
РОССИЯ КАК РЕАЛЬНОСТЬ

Архаические экономические институты: распределенные мануфактуры в малых городах России¹

С.Г. КОРДОНСКИЙ*, Ю.М. ПЛЮСНИН**

***Симон Гдальевич Кордонский** – кандидат философских наук, ординарный профессор, заведующий кафедрой местного самоуправления, заведующий проектно-учебной лабораторией муниципального управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Москва, Мясницкая ул., д. 20. E-mail: skordonsky@hse.ru

****Юрий Михайлович Плюснин** – доктор философских наук, профессор, факультет социальных наук, заместитель заведующего проектно-учебной лабораторией муниципального управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Москва, Мясницкая ул., д. 20. E-mail: jplusnin@hse.ru

Цитирование: Кордонский С.Г., Плюснин Ю.М. (2018) Архаические экономические институты: распределенные мануфактуры в малых городах России // Мир России. Т. 27. № 4. С. 6–30. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-4-6-30

Авторами выявлен и описан новый феномен хозяйственно-экономического поведения населения в малых городах провинциальной России – распределенные (рассеянные) мануфактуры. Самодельное, активное население некоторых малых городов в условиях экономического кризиса, неразвитости местных рынков труда, широкого распространения неформальной и теневой экономики сформировало особые способы (модели) экономического поведения, некогда характерные для ранних стадий капитализма в Европе

¹ Статья подготовлена на основе материалов полевых социологических исследований, осуществленных при финансовой поддержке фонда «Хамовники» (проект № 2013-007) в 2014–2016 гг., а также в ходе проведения исследования (проект № 17-01-0027) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2017–2018 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

Мы признательны нашим респондентам В.Н. и С.В. Кончаковым из Новохоперска и исследователям, принимавшим участие в сборе полевых материалов: В.М. Плюснину (Новохоперск, Урюпинск, Лабинск), А.Б. Павлову и С.С. Селееву (Кимры), А.С. Калгину и О.А. Моляренко (Урюпинск), а также студентам бакалавриата и магистратуры ГМУ ФСН НИУ ВШЭ 2014/2015 и 2016/2017 гг. обучения, выполнявшим учебные задания по сбору информации о распределенных мануфактурах в Новохоперске, Урюпинске, Кимрах, Ростове Великом.

и России – рассеянные мануфактуры. В отличие от распространенного сейчас распределенного производства (distributed manufacturing), широко использующего информационные технологии, рассеянные мануфактуры в российских малых городах могут представлять архаический институт, поскольку воспроизводят все атрибуты экономического института XIV–XVIII веков, в том числе соответствующие производственные отношения и формы артельной и цеховой организации труда. В деятельность мануфактуры вовлечена значительная часть трудоспособного населения малых городов и их сельской округи. Мануфактуры созданы на базе традиционных производств уникальных местных товаров. Описаны (с использованием методов непосредственного наблюдения и интервью) распределенные бизнес-процессы при изготовлении и продаже козьих пуховых платков и других пуховых изделий (пуховые мануфактуры Урюпинска и Новохоперска), изделий из меха (меховая мануфактура Лабинска), кожаной обуви (сапожная мануфактура Кимр), украшений и художественных изделий из ростовской финифти (Ростов Великий). Предполагается наличие таких же форм экономического поведения населения и во многих других местных обществах. Выявленные способы хозяйственно-экономического поведения населения находятся в неформальном и теневом сегменте экономики. Вероятно, основными факторами становления рассеянной мануфактуры как архаического экономического института являются, помимо экономического кризиса 1990-х годов, сохраняющиеся до сих пор негативные процессы в местной экономике, в том числе отсутствие рынка труда и чрезмерное регулирующее государственное воздействие на малый бизнес. Институциональными факторами, определяющими образование в местных провинциальных сообществах хозяйственно-экономических практик в форме рассеянной мануфактуры, предполагаются ресурсная уникальность локальной территории и/или уникальность промыслов местного населения.

Ключевые слова: распределенные производственные процессы, рассеянная (распределенная) мануфактура, архаические модели экономического поведения, способы жизнеобеспечения, хозяйственно-экономические практики, промыслы, уникальность ресурсов и промыслов, регулирующее воздействие, провинциальное общество, малые города

Введение

В марте 2014 г. мы приехали в Новохоперск Воронежской области для проведения полевых семинаров в рамках научно-учебной работы со студентами факультета государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ. Нас интересовала организация повседневной жизни и экономическое поведение населения, социально-политические настроения людей и взаимодействие с местной властью. Среди прочих семинарских работ мы проводили мастер-классы местных руководителей. На одном из них бывший глава городского поселения «Новохоперский» В.Н. Кончаков вместе с женой С.В. Кончаковой подробно рассказали о самом массовом в Новохоперском районе способе жизнеобеспечения населения – изготовлении и продаже платков из козьего пуха, исторически сложившемся, традиционном для района промысле, в который вовлечена значительная часть домохозяйств местного общества [Интервью с В.Н. и С.В. Кончаковыми 2014]. В.Н. Кончаков очень удачно, на наш взгляд, охарактеризовал такой промысел как распределенную

мануфактуру²: вся производственная цепочка по получению и переработке ресурса (козий пух) и по изготовлению и продаже платков (и других вязаных изделий из пуха) осуществляется в пределах местного общества и рассеяна по большому количеству домохозяйств, многие из которых специализируются в отдельных компонентах этого процесса, оставаясь при этом в единой производственной цепи.

Дальнейшие наблюдения на рынках Новохоперска, а впоследствии и Урюпинска, и беседы с жителями подтвердили, что этот феномен действительно соответствует всем без исключения признакам рассеянной мануфактуры, давно забытому (учеными) феномену раннего капитализма. Как хорошо известно из экономической истории [Mathias, Postan 1978; Kahan, Hellie 1985; Ogilvie 1993], рассеянные мануфактуры, первоначально возникшие в городах Италии в XIV в. и позже в Нидерландах и других государствах Европы, а также в России, явились раннекапиталистическим ответом на цеховую организацию ремесленной деятельности. Они были свободны от цеховых профессиональных ограничений того времени и позволяли обеспечить массовое производство товаров народного потребления, что способствовало последующему успеху такой формы организации производства. Рассеянные мануфактуры быстро приобрели массовый характер и привлекли значительное число мелких деревенских ремесленников, а также городских малоимущих и бедняков, обеспечив им таким образом рынок труда и дополнительные источники дохода. Они создавались, как правило, в таких видах производства, которые имели трудоемкие производственные цепочки, нуждающиеся в большом количестве работников, но не требующие высокой квалификации. Поэтому наиболее распространены они были в текстильном деле (ткацком, суконном, а также меховом и пуховом), в лесозаготовках и лесопереработке, в специализированном строительстве (судостроительстве и домостроительстве), в горнодобывающей промышленности (на чугунных, медных, серебряных рудниках и рудоплавильных и металлургических заводах).

Мануфактуры в России хорошо известны начиная с XVII в. [Blum 1961 (1992, p. 293); Kahan, Hellie 1985, pp. 121–136], следовательно, зачатки мануфактурного производства могли существовать уже к концу или даже к середине XVI в. [Кулишер 1924 (2004, с. 353–378, 399–412, 569–570)], а с первой четверти XVIII в. в России начался стремительный рост мануфактурного производства. Например, в 1725 г. насчитывалось 233 мануфактуры, а в 1796 г. – уже 3360 как очень крупных, так и небольших, главным образом вокруг Москвы (помимо горных рудников и металлургических заводов) [Blum 1961 (1992, pp. 293–294)]. А к началу XIX в. (1803 г.), например, в одном только селе Иваново (в настоящее время областной город) функционировали 49 мануфактур для изготовления льняных и хлопчатых набивных тканей [Blum 1961 (1992, pp. 300–301)]. При этом надо иметь в виду, что здесь и в соседних прилегающих к Москве районах, помимо Иваново, имелось много других крупных сел с окружающими их деревнями с множеством мануфактурных производств, создаваемых преимущественно старообрядческими общинами (например, в районах Гуслицкого края и Мещеры [Торгово-промышленная Россия 1899]). Возможно, именно поэтому мануфактура-

² Мы используем в данной статье термины «рассеянный» и «распределенный» (*scattered, dispersed, distributed*) в качестве синонимов, однако для удобства распределенные мануфактуры употребляем для описания современных хозяйственно-экономических институтов, а рассеянные мануфактуры – для исторически существовавших.

ми в собственном смысле слова в России обычно называли ткацкое производство в силу как исторических причин, так и массовости явления, а также, вероятно, по той причине, что горнодобыча, горные заводы и специализированное металлургическое и машинное производство контролировались государством или принадлежали казне [Blum 1961 (1992)]. Развитие мануфактур в России всемерно поощрялось государством (в том числе в форме откупов). Одной из возможных малоизвестных причин горно-промышленного и прочего мануфактурного развития России «по велению государства» с середины XVIII в. (этой промышленной «предреволюции») Ф. Бродель считает внезапную утрату значительной части доходов государства от продажи сибирской пушнины на европейских рынках³, поскольку с 1730-х гг. пушнина Северной Америки стала составлять конкуренцию сибирской [Бродель 1992, с. 473, 478; Кулишер 1924 (2004, с. 567)]. По мнению Дж. Блюма, русское прединдустриальное промышленное развитие XVIII в. было равным развитию остальной Европы, а порой и превосходило его [Blum 1961 (1992, р. 294)], об этом же свидетельствуют и сравнительные данные, например, по Германии того же периода [Mathias, Postan 1978, pp. 498–511].

Рассеянные мануфактуры характеризовали лишь начальный период капиталистического развития как в Европе, так и в России (пред- или протоиндустриальную стадию капитализма, см. [Mendels 1972; Rudolph 1980; Houston, Snell 1984; Ogilvie 1993]) и относительно быстро сходили на нет в результате двух взаимосвязанных процессов: ввиду развития монополистического и финансового капитализма, требующего соответствующего рассеивания товарных цепочек для исключения прозрачности капиталов [Валлерстайн 2003, с. 81], а также вследствие диверсификации производства, условием которой, между прочим, выступала производственная специализация, родственная мануфактуре. Этот процесс непременно сопровождал государственный протекционизм на фоне растущей суверенизации [Тешке 2011, с. 285–308]. Однако на экономической периферии такие (теперь уже ставшие архаическими) институты продолжали сохраняться еще длительное время, по-видимому, в сильно редуцированном виде, свидетельством чему может быть мощное развитие кустарных промыслов и кустарного производства в России вплоть до 1930-х гг. [Гиндин 1925; Владимирский 1927; Минц 1929; Водарский, Истомина 2004; Павлов, Селеев 2015], что также всегда составляло условие и предпосылку рассеянного мануфактурного производства. Необходимо, однако, отметить, что мы не нашли никаких прямых указаний на сохранение мануфактурного производства в таких архаических формах ни в конце XIX в., ни тем более в течение всего XX в. Поэтому нам представляется вероятным, что этот феномен – «новообразование» рубежа XX–XXI вв., вынужденный возврат российского провинциального общества к экономической архаике.

В условиях системного экономического кризиса 1990-х гг., а также неразвитости и развала местных рынков труда, широкого распространения в России неформальной и теневой экономики [Бувев 2010; Алимova, Ченина, Чепуренко 2011; Гимпельсон, Капелюшников 2014] активное население в малых городах и прилегающей сельской округе вынужденно сформировало (а точнее сказать, «вспомнило») особые способы экономического поведения, некогда характерные для ранних стадий капитализма в Европе и России (мы традиционно называем их промыслами),

³ Во времена царствования Алексея Михайловича продажа сибирской пушнины составляла до 2/3 всего дохода казны.

в форме так называемых рассеянных мануфактур. По совокупности признаков такие современные рассеянные мануфактуры в малых городах представляют собой архаический экономический институт, поскольку воспроизводят все атрибуты классической рассеянной мануфактуры XIV–XVIII вв. В распределенные мануфактуры вовлечена значительная часть трудоспособного населения как в самих малых городах, так и в окружающих их сельских районах. Домохозяйства включены в распределенные производственные процессы при получении (добыче) ресурсов, в изготовление из них традиционных местных товаров и в их реализацию (в розничную и оптовую продажу).

Между тем, хорошо известно и современное распределенное производство (*distributed manufacturing*), широко использующее информационные технологии, не локализованное в одной точке, а составляющее «сеть слабосвязанных между собой и взаимодействующих интеллектуальных производственных (заводских) объектов по производству отдельных компонентов продукта» [Kühnle 2009, p. 1], при этом, как правило, вынесенное в третьи страны и распределенное на значительной территории [Kühnle 2007; Kühnle, Bitsch 2015]. Эта новая форма распределенного производства рассматривается сейчас в качестве перспективной, дополнительной и альтернативной традиционному индустриальному, конвейерному производству [Коклан, О'Коннел, Мерфи 2010; Ворг 2010; Kühnle 2009; Dekkers, Bennett 2015]⁴. Однако ключевой особенностью обнаруженных и описываемых нами распределенных производственных процессов является как раз их архаический характер, полное соответствие классическим рассеянным мануфактурам, а отнюдь не современному распределенному производству с применением инновационных и IT-технологий.

Признаки классической и современной рассеянных мануфактур

Выявленные и описанные нами в последние четыре года (2014–2017 гг.) современные распределенные мануфактуры в других малых городах оказались типологически подобными пуховой мануфактуре Урюпинска и Новохоперска: это меховая мануфактура в Лабинске (2014 г.), сапожная мануфактура в Кимрах (2015 г.), мануфактура ростовской финифти в Ростове Великом (2016–2017 гг.) и еще несколько пока недостаточно или совсем не описанных разнообразных народных промыслов, в отношении которых мы предполагаем модель рассеянной мануфактуры⁵. Все они сконцентрированы (и это важно) в малых городах и их сельских округах; основные признаки этих экономических институтов и истоки их появления в тех или иных формах везде одинаковы. Как для классической рассеянной мануфактуры, так и для современной провинциальной распределенной мануфактуры характерны определенные отличительные признаки.

⁴ Хотя если сравнивать атрибуты классической рассеянной мануфактуры с ключевыми признаками современного распределенного производства, то некоторые из них совпадают; в приведенном ниже списке в следующем параграфе это пункты 1, 3 и 5 [Distributed Manufacturing 2010, p. 4].

⁵ Например, промыслы Темрюка, Поречья (Демидова), Углича (на них обратила наше внимание И. Шмерлина), Гагали (информация от Д. Соколова) и др.

1. Мануфактурное производство предполагает наличие значительного числа отдельных, сравнительно независимых элементов производственного процесса, не всегда требующих их объединения в одном помещении (в ряде случаев это невозможно). Собственно говоря, необходимость в нескольких отдельных и относительно независимых технологических линиях для производства конечного продукта обуславливает возможность создания рассеянной (распределенной) мануфактуры.

2. Вторым необходимым условием является трудоемкость, но в то же время и простота большинства производственных операций, не требующих высокой квалификации работников. Однако, как правило, простые и трудоемкие операции сочетаются с наличием сложных операций, предполагающие высокую квалификацию работников. Специфика мануфактурного производства заключается в сочетании простых и сложных компонентов в конечном продукте, что требует разнообразной квалификации работников.

3. Третье условие – это специализация работников (не отдельных людей, а домохозяйств) на определенных видах или группах производственных операций; нередко такая специализация приобретала характер рабочей династии и передаваемых по наследству в одной семье навыков, умений и производственных тайн, обеспечивавших ее членам конкурентное преимущество перед соседями. Следует уточнить, что «династийность» характерна для высококвалифицированных работников (сохранение этого важного элемента цеховой организации, исторически более ранней, столь же присуще и рассеянной мануфактуре, несмотря на альтернативный характер этих форм организации производства). Поскольку рассеянное производство нередко основано на использовании уникального или труднодоступного местного сырья, специализация зависит от внешних ограничений: отдельные виды операций требуют не квалификации, а наличия или отсутствия у участников доступа к ресурсам или компонентам производства.

4. Рассеянная мануфактура требует концентрации всего производственного процесса на единой контролируемой территории одного или нескольких соседских местных сообществ на фоне распределенного характера производства отдельных его составляющих. Именно этим классическая рассеянная мануфактура отличается от современного распределенного производства, поскольку в рамках производственного процесса предполагается непосредственное физическое взаимодействие работников, занятых в отдельных звеньях цепочки.

5. Совершенно необходима кооперация производственной деятельности и всех элементов распределенного производственного процесса, что предполагает самоорганизацию участников в форме специализированных артелей и групп артелей. Артельная кооперация есть один из важнейших признаков архаических экономических институтов. Она подразумевает преимущественно соседские, но не родственные отношения, коммунальную, но не персональную ответственность и распределительный принцип вознаграждения за труд.

6. Как следствие, на основе артельной самоорганизации спонтанно появляется институт самоуправления в простейших (архаических) формах «сходки», «разборки», «терки», «авторитетного решателя» (см. недавнее исследование промыслов [Селеев, Павлов 2016]). В результате формируется, как правило, единый местный источник контроля над всеми составляющими производства и продажи готовых изделий (организационный центр – кулак-крестьянин, купец, промышленник, предприниматель, бандит, «крыша», государственная «контора»,

корпорация). Именно артельная кооперация и самоорганизация населения, наряду с самодеятельностью и экономической самодостаточностью, и позволяют фиксировать такие хозяйственно-экономические практики населения в качестве промыслов⁶.

7. Существенный, но не всегда присутствующий признак – наличие уникального местного природного сырья (или возможность массового производства населением такого сырья) для изготовления конечного продукта, который в то же время является массово востребованным товаром. Предположительно, что развитие (возобновление) ряда рассеянных мануфактур в 1990-е гг. было обусловлено прежде наличием такого сырья в местном обществе и невостребованностью его местной экономикой, что обеспечивало естественные конкурентные преимущества членам местного общества как по отношению к местной экономике, так и соседним обществам.

8. Другой важный, но также не всегда присутствующий признак – наличие у местного общества производственного ресурса в виде уникальной технологии, используемой для производства специфического изделия. Местное общество сохранило традиции уникального промысла, некогда обеспечивавшего благосостояние большинства домохозяйств. Наличие уникального промысла (хозяйственно-экономических практик) обуславливает устойчивость и «консервацию» основанной на этих практиках рассеянной мануфактуры вследствие отсутствия или слабой конкурентной среды⁷.

Наблюдая и описывая современные рассеянные производства в малых городах, мы во всех указанных ниже случаях фиксируем в полном объеме традиционно выделяемые атрибуты раннекапиталистической (в современных условиях уже архаической) рассеянной мануфактуры.

Четыре распределенные мануфактуры Урюпинска/Новохоперска, Лабинска, Кимр и Ростова Великого

Все четыре выявленные распределенные мануфактуры (пуховая в Новохоперске и Урюпинске, меховая в Лабинске, сапожная в Кимрах и ростовская финифть в Ростове Великом) по организации производственного процесса, характеру занятости населения, особенностям логистики и сбыта готовой продукции схожи, поэтому описание отдельных компонент приводим обобщенно.

6 Мы солидаризируемся с феноменологическим определением промыслов, представленным и достаточно подробно рассмотренным в недавней работе наших коллег [Павлов, Селеев 2015]. Промысел – это обычно несельскохозяйственное, альтернативное крупному промышленному производству, мелкое домашнее (или в пределах местного общества «куста» – потому и кустарное) производство с целью выживания или обеспечения благополучия семьи. Такое производство находится вне капиталистических форм хозяйствования, не ориентировано на использование современных или инновационных технических средств (что, впрочем, спорно), однако здесь широко представлены кооперация деятельности и артельный или общинный способ организации труда. Промысловая деятельность не предполагает ни предпринимательства, ни бизнеса в их первичном смысловом значении [Кордонский 2008]. Таким образом, промыслы во многих случаях есть архаические экономические институты, лишь внешне прикрытые современными правовыми и организационными формами.

7 Важно отметить, что для рассеянной мануфактуры обязательна уникальность либо промысла, либо территории, либо того и другого.

Сырье и его первичная обработка

Специфическое сырье для изготовления товарных изделий имеется только в пуховой мануфактуре – это козий пух особого качества, вычесанный или состриженный с коз (район среднего Хопра); именно благодаря этому пуху платки и другие пуховые изделия из Урюпинска и Новохоперска особенно ценятся. Поэтому здесь пуховых коз давно выращивают не только в селах, но и на городских подворьях. Уникальные качества пуха хоперских коз, подобно оренбургским, обеспечили местному населению конкурентное преимущество перед соседями и с давних пор составляли важнейший источник благосостояния здешних домохозяйств. Пух заготавливается двумя способами, от которых зависит качество изделия: его вычесывают или стригут. Вычесывание – более трудоемкий процесс, и из такого пуха получают изделия высокого качества, а стриженый пух идет на изготовление менее качественных, но более массовых и дешевых вязаных изделий.

В случае остальных трех видов мануфактур используемое сырье не уникально. Мехава мануфактура Лабинска хотя и работает во многом на мехе, поставляемом местными частными зверофермами с едва ли не половины сельской территории Краснодарского и Ставропольского краев, но здесь много и привозного меха из Сибири. Вторичная обработка меха (выделка) перед пошивом часто осуществляется на месте, в рабочих домах Лабинска и соседних сел. Сапожники Кимр, судя по всему, используют исключительно привозную кожу, уже выделанную, которая поступает не только из разных регионов страны, но и из-за границы. В Ростове Великом все основные компоненты для изготовления финифти (медные пластины, серебро, эмаль, краски) также являются привозными и приобретаются нередко в Европе (прежде всего краски). Таким образом, на собственном сырье (исключительно или в основном) работают только мануфактуры Урюпинска/Новохоперска и отчасти Лабинска, а производства Кимр и Ростова – исключительно на привозном. Однако во всех случаях поставками сырья, обеспечением им тех участников производства, которые заняты на начальных этапах производственной цепочки, занимаются чаще всего розничные или оптовые продавцы конечной продукции. Одновременно с ними существуют и специализированные поставщики (но об этом имеется очень неопределенная и недостаточная информация), в том числе, вероятно, индивидуальные предприниматели – перевозчики (таксисты и дальнобойщики). Насколько можно судить, часть тех, кто контролирует значительные объемы производства и продажи готовых изделий, одновременно являются и крупными поставщиками сырья для работников мануфактур, представляя собой, таким образом, группу людей, контролирующую значительную долю рынка мануфактурного производства. Эти группы со временем (вероятно, уже и сейчас, как это заметно в Ростове и уже явно в производстве часов в Угличе) становятся ключевыми организаторами и контролерами производства товара на всех его этапах⁸.

⁸ Обратим внимание, что эти люди, «концентраторы распределённого производства», являются фактором превращения рассеянной мануфактуры в ее классическую форму, исчерпывающе описанную К. Марксом.

*Производство заготовок:
простейшие и трудоемкие этапы мануфактурного производства*

Во всех распределенных мануфактурах производственный цикл состоит как из специализированных, так и из набора простых и трудоемких, требующих длительных временных затрат, операций. В них задействовано большое число работников, от которых не требуется много умений и которые могут выполнять работу совместно, артельно, в работных домах – специально выделяемых помещениях для такого рода относительно вредных этапов производства.

Что касается пуховой мануфактуры, то это прежде всего чистка и мытье пуха, прядение (навивание пуха на хлопчатую или шелковую нить с помощью ручной или электрической прялки) и на завершающем этапе пушение готового изделия (придание пуховому платку товарного вида путем распушивания в центрифуге). Все эти операции могут осуществляться (а раньше и осуществлялись) в одной семье, в домашних условиях, но постепенно выносятся в подсобные помещения. Пух вместе с нитью нередко раздается по соседям для изготовления пряжи, занимаются этим все члены семьи⁹. «Пушилки» и самодельные электрические центрифуги имеются далеко не в каждой семье и их арендуют: приносят готовые изделия для пушения хозяину этого своеобразного агрегата.

В меховой мануфактуре для трудоемких операций по окончательной выделке меха перед пошивом более чем в других случаях распространены работные дома, приспособляемые или специально выстраиваемые на подворье одной семьи, где собираются до 10 работников, соседей и родственников, совместно занятых выделкой шкурок и их раскроем. Отдельные помещения необходимы, поскольку в меховом производстве эта часть работы наиболее «грязная» сравнительно с другими видами мануфактур. Выкройка – более сложная часть производства и ею занимаются обычно те, кто непосредственно шьет изделие, поэтому и пошив нередко, но не всегда, осуществляется в том же работном доме, где идет выделка меха; в работные дома идут наименее квалифицированные, не умеющие кроить и шить.

В сапожной мануфактуре трудоемкие и простые операции, вероятно, сведены к минимуму благодаря тому, что в Кимрах сохранились две обувные фабрики, и они, вероятнее всего, являются основными поставщиками для многих частных изготовителей уже готовой кожи и материалов для подошвы и внутренней части обуви. Поскольку обработка заготовок не требуется, черновые виды операций сводятся к кройке по лекалам подошв, подметок, стелек, юфти или другой ткани, что и осуществляется в частных гаражах города.

В производстве финифти трудоемкие операции также сведены к минимуму и ограничиваются вырезанием и загибанием мелких медных пластин, на которые затем наносится эмаль и обжигается в муфельной печи. Работы с металлом часто выполняет сам эмалиер, которому требуется достаточно высокая квалификация, поскольку от качества обжига эмали зависит не только качество и цвет поверхности, но и долговечность изделия (впрочем, как и от изгиба медной пластинки). Печи имеются далеко не у всех, и их арендуют. Значительные затраты электроэнергии на обжиг приводят к тому, что в Ростове наблюдается массовая задолжен-

⁹ Раньше, в 1990-е гг., когда это было основой жизнеобеспечения, пряли и мужчины.

ность за электроэнергию и значительные ее потери, этой проблеме было посвящено несколько специальных заседаний муниципалитета [Информация 2015].

Таким образом, в случаях, когда количество простых трудоемких операций невелико (в Кимрах и Ростове), в технологической цепочке больше доля операций, требующих высокой квалификации и нескольких специализаций. Это определяет исключительность сочетания специальностей, необходимых для изготовления изделия, что компенсирует уникальность используемого сырья (Урюпинск, Новохоперск)¹⁰.

Этапы производства, требующие высокой квалификации и уникальных профессионалов

Характерно, что в производственных цепочках всех выявленных распределенных мануфактур имеются звенья, требующие специальных знаний, умений и навыков, которые нередко передаются по наследству в одной семье. По-видимому, именно эти особенности в производстве изделий и определяют возможности для развития подобных архаических экономических институтов.

В случаях пуховой, меховой и сапожной мануфактур требования к специальным знаниям не столь высоки, как в производстве ростовской финифти, но такие навыки имеют глубокую традицию, поддерживаемую, ко всему прочему, значительной концентрацией в местном обществе работников высокой квалификации в той или иной области. Вязальщиц платков очень много, тем не менее, лучшие вязальщицы очень ценятся и этому искусству учатся. Более того, множество пуховых изделий изготавливается на вязальных машинах, но цена их в разы и даже на порядок ниже стоимости связанного хорошей вязальщицей платка. Совершенно аналогична ситуация в меховом производстве, где почти вся работа ручная и высоки требования к раскройщикам, модельерам и работникам, изготавливающим шапки и другие изделия из наиболее качественного меха: здесь также велика роль традиции и имеет место надомное (в работных домах) обучение искусству пошива шапок. При этом значительный сегмент производства рутинен, большая часть меховых изделий, по словам самих мастеров, среднего и невысокого качества и рассчитана на массового покупателя; между тем всегда есть заказы, которые изготавливают мастера высокой квалификации. Кустарное производство обуви в Кимрах базируется на работе модельеров-лекальщиков, которые проходят специальное обучение не только на месте, но и в Италии, а сам пошив обуви (сапог и ботинок для особых условий использования, например, для летчиков полярной авиации) является искусством, поэтому хорошие сапожники очень ценятся.

Изготовление ростовской финифти требует участия высококлассных специалистов двух или трех специальностей: наименьшие требования предъявляются к эмальерам, наносящим и обжигающим эмаль на медной пластинке, хотя считается, что от опыта и умения эмальера зависит конечное качество изделия; нередко такую работу выполняют сами художники, но не для массовой продукции.

¹⁰ Только для меховой мануфактуры Лабинска мы не можем указать, в чем состоит уникальность: возможно, лишь в особом мастерстве швей.

Работа художника трудоемка и длительна (одна миниатюра или картина исполняются от нескольких часов до недель и месяцев), но работа ювелира-филигранщика, создающего серебряную оправу для эмали, трудозатратнее в 3–5 раз. Художники сами покупают и готовят краски, рисуют в основном по кальке, образцу, но есть, конечно, и оригинальные работы, а ряд работ признаются очень высокого художественного качества. Признанные мастера нередко работают самостоятельно и давно не связывают себя с несколькими предприятиями по изготовлению финифти, еще существующими в Ростове. Филигранщик также обычно самостоятельно изготавливает все компоненты для оправы: прокатывает и вьет проволоку, нарезает и навивает отдельные части оправы, сваривает их, изготавливает оправу по заранее подготовленному рисунку (нередко оправы оригинальны). Работа ювелира – третий и конечный этап изготовления продукта, требующий высокой квалификации. Все эти мастера проходят предварительное обучение как на предприятии, так и в специализированных учебных заведениях, а кто-то обучается у родителей и родственников: здесь сохранилось немало рабочих династий художников и ювелиров, передающих искусство и профессиональные тайны по наследству.

Сбыт, розничная и оптовая торговля продукцией распределенных мануфактур

Этот компонент современных распределенных мануфактур остается минимально доступным, а посему менее всего описан по очевидным причинам: здесь проходят операции с крупными партиями товара, большими суммами, тут осуществляется взаимодействие между немногими хорошо знакомыми людьми, и информация закрыта от посторонних. На данной стадии очевидна существенная внутренняя конкуренция, но все участники тесно связаны и совместно оберегают от посторонних общий бизнес хотя бы потому, что весь он в «тени». Однако на фоне нескольких крупных предпринимателей в каждой мануфактуре (по нашим наблюдениям, до десятка) имеется значительное количество мелких торговцев, среди которых есть как непосредственные изготовители (художники и ювелиры, сапожники и меховщики, вязальщицы и фермеры), продающие собственную продукцию на местных рынках, так и мелкие коммерсанты, скупающие изделия у нескольких человек, арендующих киоск, лоток, столик на муниципальном рынке города и занятых исключительно продажей изделий. Они редко оформляются как индивидуальные предприниматели, но обеспечивают взаимодействие между отдельными участниками производства: закупают сырье и распределяют его между работниками, занятыми первичной обработкой, забирают заготовки и передают на обработку на следующий этап, продают на рынке готовые изделия; они же осуществляют оплату на всех этапах производства, нередко ссужают и кредитуют работников. Эти же люди связаны как с внешними оптовыми поставщиками сырья (пух из Калмыкии и Дагестана, нити для пряжи из Иваново, шкурки пушных зверей из Новосибирска и Красноярска, кожа из Кирова и Италии, медь из Москвы, серебро из Костромы и т.п.), так и с оптовыми покупателями конечной продукции. Поэтому из среды этих многочисленных мелких коммерсантов (многие из которых сами в прошлом были мастерами, правда, невысокого уровня), постепенно специализирующиеся

исключительно на торговых операциях, вырастают и крупные местные коммерсанты, которые начинают в острой конкурентной борьбе монополизировать рынки. Этот процесс скрыт не только от внешних наблюдателей, но и от местных жителей. Судя по всему, крупные местные торговцы контролируют не только целые ряды палаток на муниципальных рынках, но создают (или перекупают) фирмы по транспортировке сырья и изделий, а также организуют работные дома, куда нанимают неквалифицированных работников. В целом процесс осуществляется по хорошо известной схеме, хотя в настоящий момент состояние производственных отношений фиксируется на стадии доклассической мануфактуры¹¹.

Наряду с двумя смыкающимися категориями предпринимателей-коммерсантов (мелких производителей, торгующих своими изделиями вразнос или на рынке, и специализирующихся торговцев, занятых розничной и оптовой торговлей, а вместе с тем и обеспечением связей между звеньями производственной цепочки) во всех мануфактурах присутствует и третья группа торговцев и перекупщиков – местные общины цыган. По отзывам респондентов, цыгане везде включены в теневой бизнес, а участие в торговле пуховыми шальями, меховыми изделиями, кожаной обувью и украшениями из финифти является одновременно и прикрытием их криминального бизнеса (обычно наркоторговля или оборот драгоценных металлов).

Скупщики-торговцы – это цементирующий мануфактуру компонент, создающий и обеспечивающий ее целостность; из этой среды выходят участники предприятия, постепенно начинающие контролировать и управлять всем делом. На нынешнем этапе развития мануфактур эти новые небольшие фирмы еще только формируются, кристаллизуются; они внешне и по характеру операций схожи с остатками бывших государственных предприятий, фабрик, на которых производились и производятся все те же самые изделия, которые и составляют основу производства современных распределенных мануфактур. Однако уже и здесь, в малых городах с рассеянным производством уникального или редкого товара, наступает время накопления капитала.

Участие населения

Оценить степень участия населения малых городов и близлежащих сел в распределенных мануфактурах оказалось довольно сложно. Причины хорошо известны: полное отсутствие данных на уровне муниципалитетов и регионов о незанятых в местной экономике и о структуре самозанятого населения [*Плюснин, Кордонский, Скалон 2009*]. Поэтому мы вынуждены ограничиться исключительно оценками на основе мнений респондентов, местных экспертов и наших собственных сопоставлений и расчетов по статистическим и муниципальным отчетным материалам. Эти оценки выглядят следующим образом. В пуховой мануфактуре Урюпинска и Новохоперска в 1990-е и 2000-е гг. было задействовано все население, однако сейчас насчитывается существенно меньше, но никак не меньше 1/3 домохозяйств.

¹¹ Однако отметим, что, согласно нашим последним наблюдениям, эволюция рассеянной мануфактуры в классическую уже имеет место, например, в Угличе.

Причем раньше в пуховом производстве участвовали не только трудоспособные члены семей и пенсионеры, но и дети; сейчас же поголовье коз значительно сократилось, многие горожане перестали их выращивать на подворьях, а основное стадо находится в фермерских хозяйствах и в деревнях. Вязание уже не составляет постоянного приработка домохозяйства, появились и другие источники дохода. Согласно наблюдениям весны 2017 г., можно оценить участие населения в распределенном производстве численностью в 1/3–1/2 всех домохозяйств, т.е. не менее 1/3 трудоспособного населения, это примерно 10 тыс. из 25–30 тыс. домохозяйств (точные данные о численности домохозяйств в обоих районах не найдены). В меховой мануфактуре Лабинска задействованы на разных этапах производства около 1/5 взрослого населения города, т.е. примерно 4 тыс. из 20 тыс. домохозяйств. В производстве ростовской финифти работает приблизительно 1 тыс. из 10 тыс. домохозяйств. Оценки сапожного производства в Кимрах мы получить не смогли. Как бы ни были велики ошибки таких оценок, совершенно очевидно, что в распределенных мануфактурах занята значительная доля местного населения, и именно это является основой их жизнеобеспечения и источником благосостояния, хотя об этом ничего не известно ни статистике, ни местным властям.

Общие особенности современных распределенных мануфактур

Каковы характерные общие особенности четырех описанных распределенных мануфактур и нескольких других выявленных, но пока еще не вполне описанных?

Во-первых, все эти производства имеют очень давнюю традицию местных промыслов, которые в советские годы были развиты и поставлены на промышленную основу: во всех городах давно были созданы фабрично-заводские производства, основывающиеся на традиционных местных промыслах населения и на его умениях и хозяйственной практике. Кустарные пуховые промыслы в среднем течении р. Хопра (урюпинские, новохоперские) известны с XVIII в. В Лабинске меховое фабричное производство начало развиваться с 1930-х гг., кустарное – существенно раньше. В советские годы функционировали несколько меховых фабрик, но и в настоящее время здесь работают семь производств. В Кимрах кустарное производство обуви и кожаные заводы известны с начала XVII в. (хотя утверждают, что с XVI в.), а обувные фабрики – с начала XX в. (1903 г.). Ростовская финифть как ручная художественная роспись на эмали существует с 1760-х гг., фабрика финифти – с 1918 г. Заметим, что именно с начала XVIII в. в России начался бурный рост мануфактурного производства в самых разных областях народного хозяйства [Blum 1961 (1992, pp. 293–294)], хотя начало процесса следует отнести еще к середине XVII в., когда под патронажем и при содействии государства (с привлечением иностранцев) в окрестностях Москвы, Тулы, Каширы, на Урале и в Зауралье были созданы разнообразные мануфактуры [Кулишер 1925 (2004, с. 399–412)]. Другими словами, описываемые нами современные распределенные мануфактуры малых городов имеют самую глубокую историю именно этого вида местного производства.

Во-вторых, в производственном процессе рассеянных мануфактур используются либо уникальные местные ресурсы (как, например, порода хоперских коз

с особым качеством пуха), либо традиционные, нередко уникальные, практики населения (как например, длительная традиция сапожного производства высокого качества в Кимрах¹², изготовление ростовской финифти). Во всех случаях сырье или материалы для производства, требующие особых умений при обработке, составляют важнейшее конкурентное преимущество населения, участвующего в распределенном производственном процессе. Но наряду с естественным (природным) первенством имеет место и преимущество, обеспеченное профессиональными (цеховыми) умениями, до сих пор тщательно оберегаемыми и передаваемыми по наследству.

В-третьих, изготовление товарных изделий требует нескольких отдельных простых, но трудоемких операций, которые могут производиться отдельно и в разное время, при этом они не требуют упорядоченной единовременной сборки компонент, т.е. отсутствует выгода конвейерного производства. Это позволяет каждую операцию осуществлять независимо, распределяя ее выполнение между отдельными исполнителями. Возможно, что кустарный характер производства и автономность его отдельных компонент составляют ту особенность рассеянных мануфактур, которая обеспечивает их живучесть и долговременность. Выращивание коз, их стрижка или вычесывание пуха, его обработка, вязание, пушение готовых изделий и реализация их на рынке разнесены в пространстве сельских и городских домохозяйств не только территориально, но и во времени, охватывая годовой цикл. То же самое происходит и с производством меховых изделий как из привозного меха, так и из выращиваемых в домашних зверохозяйствах Лабинска и его обширных сельских окрестностях. В Кимрах приобретение и раскрой кожи, изготовление лекал, подметок, пошив сапог (и другой кожаной обуви) многими домохозяйствами производятся независимо. Изготовление медной или серебряной основы, заливка эмали, нанесение рисунка и обжиг, изготовление филигрانی и окончательная ювелирная обработка разнообразной ростовской финифти также независимы и распределены между многими домохозяйствами.

В-четвертых, в производственном цикле рассеянной мануфактуры сочетаются два вида операций. Большинство из них трудоемки и одновременно очень просты (изготовление медной основы для финифти, выращивание коз и пушных зверей, первичная обработка кожи, меха или пуха). Но другая часть операций цикла (одна или две) требуют, как правило, высокого профессионализма и особых навыков (работа художников-миниатюристов и ювелиров-филигранщиков, лекальщиков и модельеров кожаных изделий, меховых швей или вязальщиц ручных «чесанных» платков). В силу этого и весь производственный цикл привязан к территории проживания людей, обладающих такими редкими или уникальными умениями, а элементарные и трудоемкие компоненты производства распределены нередко на территории не только города, но и всей сельской округи (что особенно характерно для хоперских коз и лабинских звероферм при домохозяйствах, распределенных на большом пространстве).

¹² Но при этом хорошо известны с екатерининских времен аферы кимрских сапожников с бумажными подметками, когда на рынки Москвы массово поставлялась совершенно некачественная обувь, и даже крупные военные заказы для солдатских сапог во время Крымской войны выполнялись с крайне низким качеством (см., напр., об этом у В.А. Гиляровского в «Москва и москвичи» в очерке «Сретенка»).

В-пятых, отдельные простые элементы производственного цикла концентрируются территориально в рабочих домах: несколько исполнителей (от 2–3 до 10) объединяются и выполняют одну операцию вместе, обычно на территории одного домохозяйства, как правило, в выделенном помещении (не только в специально для этой цели построенном, но и в подсобках, пристройках, сараях, гаражах, подвалах и т.п.). Здесь имеет место эффект кооперации: отдельные однородные операции легче и быстрее выполнять совместно, поэтому во всех исследованных городах создано множество рабочих домов, в которых участники объединены по артельному принципу. Члены таких коллективов – далеко не всегда родственники, чаще близкие знакомые, соседи (что более всего характерно именно для артельной организации труда). Это создает основу для артельной кооперации в рамках распределенных мануфактур, что нам представляется одним из ключевых факторов устойчивости и жизнеспособности этого вида промыслов населения.

В-шестых, реализация готовых изделий (розничная и оптовая продажа) осуществляется не только на местных рынках, но приобретает региональный и межстрановой характер. Во всех городах созданы коалиции («кланы») торговцев готовыми изделиями, которые одновременно находятся между собой и в тесной кооперации, и жесткой конкуренции, не пускают чужих, активно развивают оптовую торговлю на дальние расстояния (в пределах страны и за границей). Этот компонент рассеянной мануфактуры связан со многими другими видами предпринимательской активности населения – поставщиками сырья (меди, серебра, кожи, меха, пуха), оптовыми покупателями (в качестве которых нередко выступают крупные организации разной формы собственности), коммивояжерами-распространителями продукции (в частности, цыганами, отходниками-вахтовиками, специализированными интернет-продавцами), а также с теми, кто предоставляет дополнительные услуги, прежде всего транспортные (дальнобойщиками, частными перевозчиками, фирмами такси).

Указанные особенности могут являться диагностическими признаками при поиске, выявлении и описании аналогичных распределенных производств в других малых городах страны.

Уникальность территории и технологии. Концепция промысловой уникальности

Важнее, однако, нам представляется отметить следующее: выделенные особенности фиксируют значение местности (территории) и хозяйственно-экономических практик (промыслов) населения для развития определенных экономических институтов. Считаем, что имеет значение характеристика территории и промысла по степени их уникальности¹³. Типичность местной территории, как и типичность практик (неразличимость со многими другими территориями и неотличимость от аналогичных промыслов) определяют условия для массового (индустриально-

¹³ Под «уникальностью» локальной территории и промыслов мы понимаем редкость, единичность или особые редкие качества какого-либо вида местных ресурсов, используемых в качестве сырья для производства; промысел может быть уникален в силу давних исторических традиций (никто и нигде или редко где, это делается) в производстве тех местных изделий, которые и создают конкурентное преимущество членам местного общества.

го или конвейерного) производства. Уникальность территории по ресурсам (сырью), по развитым на территории практикам и глубине локальной исторической традиции, как и уникальность самих хозяйственно-экономических практик (промыслов), определяют условия и возможность развития современной распределенной мануфактуры. При этом мы допускаем, что, скорее всего, это следует называть не развитием *de-novo*, а процессом восстановления некогда оставленного/забытого способа организации местных промыслов населения.

Таким образом, мы можем предложить феноменологическую концепцию типов развития хозяйственно-экономических практик (промыслов) населения, отталкиваясь от ресурсных и исторических особенностей территории и распространенности вида промысла. Проиллюстрируем это следующей схемой (рисунки 1): по оси абсцисс выделены значения степени уникальности (точнее, редкости) вида промысла, по оси ординат – степень уникальности местной территории по ресурсам и традиционным экономическим практикам. Уникальность как территории, так и промыслов определяет путь развития к рассеянной мануфактуре или, что вероятнее, к длительному сохранению архаических экономических институтов в некоторых местностях (что также является консервацией архаических практик во времени и пространстве). Противоположная тенденция – движение к неразличимости, одинаковости территорий по природно-климатическим условиям (ресурсам) и ординарности, неспецифичности истории ее хозяйственного развития и однородности видов промыслов – определяет путь движения к массовому производству, индустрии, конвейеру.

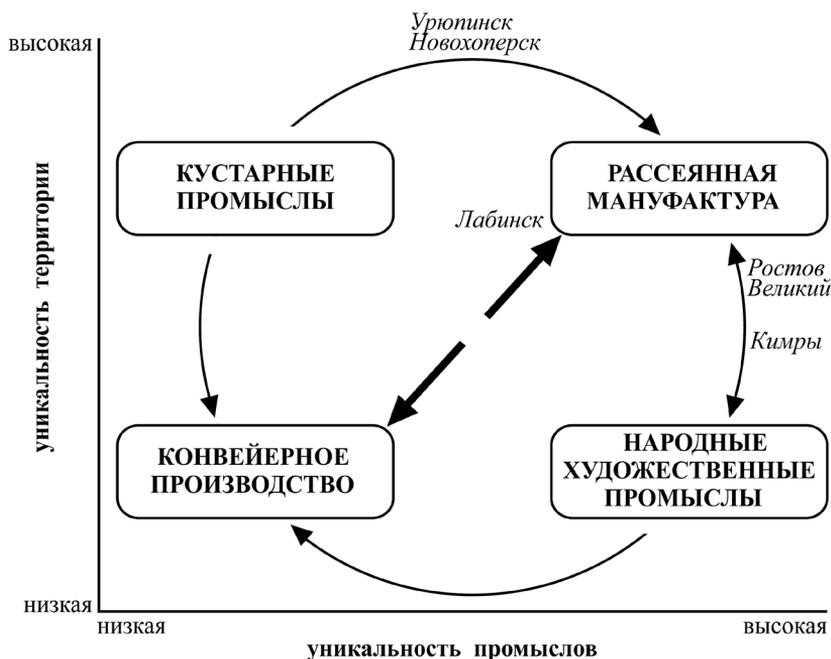

Рисунок 1. Пути развития хозяйственно-экономических институтов в рамках концепции уникальности территории/промыслов

Заметим, что в этом же пространстве координат «территория/промыслы» могут быть выделены и другие типы хозяйственно-экономических практик. Распространенные (неуникальные) практики, реализуемые на территории с уникальными характеристиками по ресурсам (сырью), создают путь развития института многообразных кустарных промыслов. Это позволяет объяснить, почему при столь мощном развитии кустарных промыслов в имперской России и в ранние советские годы отдельные губернии и соседние уезды (районы) столь сильно различались по видам развитых там кустарных промыслов: в одном уезде изготавливали только горшки и другую глиняную посуду, в другом – только осиновые ложки, в третьем рубили строевой лес и сплавливали его по рекам, а в четвертом (при тех же условиях) занимались лишь отхожим промыслом и т.п. [Езерский 1894; Кустарная промышленность России 1913; Владимирский 1927]. Повсеместно локальные ресурсные и природно-климатические особенности территории создавали какое-то минимальное конкурентное преимущество местным обществам сравнительно с их ближайшими соседями. В противоположность этому уникальность промыслов населения на территории, которая сама по себе не обладает исключительными характеристиками (например, не имеет особо важных ресурсов), определяет путь развития так называемых народных художественных промыслов. Таковы все современные, ассоциируемые с «промыслами», народные ремесла художественной направленности [Павлов, Селеев 2015].

Таким образом, феномен современной распределенной мануфактуры определяется уникальностью локальной территории и/или хозяйственно-экономических практик (промыслов). Жирными стрелками на *рисунке 1* обозначены альтернативные пути развития, тонкими – вероятные переходы от одного типа к другому. Предполагается, что существующие ныне архаические рассеянные мануфактуры не могут непосредственно переходить в индустриальное конвейерное производство (стрелка разорвана). Следует обратить внимание на то, что в соответствии с концепцией кустарные промыслы и народные художественные промыслы, как разные экономические институты, также непосредственно не переходят друг в друга, здесь имеет место только сходство в названиях. Нам представляется, что причины и условия развития этих типов институтов разные. На схеме также указано условное расположение в выделенных координатах «территории/промыслы» четырех описанных распределенных мануфактур. Мануфактуры Урюпинска-Новохоперска и Лабинска в известной мере менее уникальны по хозяйственно-экономическим практикам населения, но более уникальны по территории (ресурсам); Ростов Великий и Кимры, напротив, уникальны по практикам (промыслам) и менее уникальны по территории (ресурсам, сырью). Вообще говоря, рассеянная мануфактура может захватывать как область, отмеченную этикеткой «кустарные промыслы», так и область «народные художественные промыслы».

Вероятные причины развития (реновации) архаических экономических институтов

Выявленные способы хозяйственно-экономического поведения провинциального населения находятся преимущественно в неформальном и теневом сегменте

экономики и никак не фиксируются официально: почти вся производственная и торговая деятельность населения в рамках рассеянной мануфактуры носит неформальный и теневой характер, за очень редкими исключениями. Доход от производства является доходом в личном подсобном хозяйстве, никем и нигде не учитывается и не может быть учтен. Обменные отношения между исполнителями отдельных операций очень редко оформляются официально. Хотя часть людей регистрируется в качестве индивидуальных предпринимателей или даже малых предприятий, но делается это только в силу необходимости (например, для постоянной торговли в палатке на рынке, при открытии частного магазина, аренде необходимых для производства ресурсов или механизмов и тому подобного). Частные предприятия создаются также для продажи изделий на международном рынке (таковые имеются во всех пяти городах). Объемы сырья и производства, стоимость произведенной продукции, торговый оборот и численность населения, участвующего в распределенном производстве, не зафиксированы и не учитываются ни в муниципальных учетно-отчетных данных, ни, тем более, в государственных статистических данных.

Необходимо отметить одну важную особенность уже выявленных и описанных распределенных мануфактур: все они возникли в начале 1990-х гг. и продолжают существовать только в малых городах. В крупных городах мы повсеместно наблюдаем теневую «гаражную экономику» как форму пост-цеховой организации производства, но здесь отсутствуют распределенные мануфактуры, и напротив, в малых городах гаражи по-прежнему в основном используются по своим основным назначениям [Селеев, Павлов 2016, с. 44] или в качестве рабочих домов в производственном цикле распределенной мануфактуры.

Можно выделить несколько причин для объяснения феномена распределенных мануфактур. Первой (спусковой) причиной стала та критическая ситуация, которая сложилась в малых городах в начале 1990-х гг. и поставила население в особое положение сравнительно с жителями крупных городов и сельской местности. В отличие от крупных городов, в малых городах буквально одновременно развалились немногие существовавшие с советского времени градообразующие предприятия, и жители массово лишились работы и возможностей ее найти в своей местности. В отличие же от сельской округи, большинство домохозяйств в малом городе не могло сразу перейти на натуральное самообеспечение в силу отсутствия или недостаточности приусадебных участков [Плюснин 2000]¹⁴. Поэтому основными способами срочной адаптации жителей малых городов выступили такие архаические формы, как отхожие промыслы [Плюснин, Зайсаева, Жидкевич, Позаненко 2013; Plusnin, Zausaeva, Zhidkevich, Pozanenko 2015] и переход к артельному труду на соседско-родственной основе с использованием уникальных местных ресурсов или технологий изготовления уникальных изделий. Последний способ жизнеобеспечения в некоторых малых городах (вероятно, немногих, но пока мы этого не знаем в точности) достаточно быстро развился в распределенную мануфактуру, – столь же архаическую форму промысловой организации хозяйственно-экономической жизни, как и отходничество. Впрочем, надо отметить, что эти две, по своей сути дополнительные, формы экономического поведения населения

¹⁴ В большинстве малых городов размер приусадебного участка семьи составляет 2–4 сотки, редко – 10–12, тем более – 40–50 соток, необходимых для самообеспечения.

(отхожие и кустарные промыслы) в России всегда развивались совместно в одной и той же провинции (с современной точки зрения депрессивной) [Кустарная промышленность России 1913; Минц 1929; Владимирский 1927].

Вторая причина, обусловившая, в частности, теневой характер распределенных мануфактур, видится во внутренней политике государства [Kordonsky 2016]. Предполагаем, что основным фактором развития рассеянной мануфактуры как архаического экономического института является чрезмерное регулирующее воздействие государства на малый бизнес. Как известно, такое воздействие практически всегда оказывается «ингибитором» нового бизнеса [Ченуренко 2008], а с течением времени заставляет уходить «в тень» или сворачивать и существующий малый бизнес, особенно в провинции, в малых городах и их сельской округе [Plusnin, Slobodskoy-Plusnin 2013]. В результате этого складывающиеся провинциальные распределенные мануфактуры являются одним из двух ответов (второй – отхожий промысел) активного населения на усиливающийся с 2000-х гг. контроль «сосредотачивающегося государства».

Иные значимые причины возобновления в российской провинции таких архаических экономических институтов, как распределенные мануфактуры и отходничество, мы не видим. Эти же две (недостаточный местный рынок труда и чрезмерное регулирующее воздействие на местную предпринимательскую активность) взаимосвязаны как побудительная и провоцирующая причины, вследствие чего эффект их совместного действия кумулятивен. Несомненно, существуют местные условия, выступающие дополнительными факторами, стимулирующими или ингибирующими развитие архаических форм, особенно распределенных мануфактур, в противном случае мы наблюдали подобные формы повсюду, как это имеет место в отношении современного отходничества в российской провинции. Между тем распределенные мануфактуры относительно редки. Причина, по нашему мнению, заключается как раз в наличии или отсутствии уникальных (редких) ресурсов и технологий изготовления товаров, обеспечивающих местному обществу конкурентные преимущества перед соседями. Однако в данном случае уникальность местных ресурсов и/или технологий выступает в качестве необходимого условия, а не причины развития распределенных мануфактур.

Заключение

Нашей задачей в данном исследовании мы видели, прежде всего, фиксацию феномена современной распределенной мануфактуры. Мы ограничились описанием производственного процесса, причин и условий возникновения в четырех обследованных распределенных мануфактурах. Мы специально не анализировали социально-экономические предпосылки и частные условия создания в малых городах этих особых форм экономического поведения населения. Это задача следующей публикации. Мы также попытались на этом ограниченном эмпирическом материале определить основные признаки распределенной мануфактуры, которые позволяют считать эти экономические институты несомненно аналогичными существовавшим в прошлом преиндустриальным формам производства, точнее, следовало бы говорить о полном подобии распределенных мануфактур современ-

ной России существовавшим некогда рассеянным мануфактурам, что дает возможность отождествлять современные распределенные мануфактуры возрожденным архаическим институтам. Структурными основаниями возобновления этого вида экономических институтов считаем уникальность территории по ресурсам и исключительность промысловой активности населения.

Совершенно очевидно (и наши последние наблюдения это уже показали), что современные распределенные мануфактуры малых городов есть временное, проходящее явление. Возобновленные по необходимости в кризисных условиях, они в скором времени должны будут выродиться (переродиться) в институты, более свойственные новому времени. Тем интереснее представляется задача выявить и описать институты, время которых наступает только в особых условиях больших перемен, а сами эти институты оказываются неизменными по своей природе и только по этой причине представляются нам архаическими.

Литература

- Алимова Т.А., Ченина А.В., Чепуренко А.Ю. (2011) Экономический кризис и предпринимательская деятельность населения России: открывать свое дело или выходить из бизнеса? // Мир России. № 2. С. 142–160.
- Бродель Ф. (1992) *Время Мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.* М.: Прогресс.
- Був В.В. (2010) Теневая деятельность малых предприятий // Мониторинг общественного мнения. № 4(98). С. 57–74.
- Валлерстайн И. (2003) Государства? Суверенитет? Дилеммы капиталистов переходной эпохи // Валлерстайн И. *Конец знакомого мира: Социология XXI века.* М.: Логос. С. 80–104.
- Владимирский Н.Н. (1927) *Отход крестьянства Костромской губернии на заработки.* Кострома: Издание Костромского губстатотдела.
- Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. (2004) *Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий.* М.: ИРИ РАН.
- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. (ред.) (2014) *В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда.* М.: ВШЭ.
- Гиндин Я. (1925) Наш хозяйственный подъем и новые задачи регулирования рынка труда // *Вопросы труда.* № 11. С. 38–44.
- Езерский Н. (1894) *Кустарная промышленность и ее значение в народном хозяйстве.* М.: Тип. А.И. Мамонтова.
- Интервью с В.Н. и С.В. Кончаковыми, жителями поселка Новохоперский Воронежской области, 23 марта 2014 г., запись Ю.М. Плюснина (2014) // <https://lmu.hse.ru>
- Информация о социально-экономическом развитии Ростовского муниципального района (2015) // <http://admrostov.ru/about4.php?sub=6>
- Коклан Д., О’Коннел Дж., Мерфи И. (2010) Знания, инновации и творческий потенциал как основа экономического развития в XXI в. // *Вестник международных организаций.* Т. 5. № 3. С. 21–32.
- Кордонский С.Г. (2008) *Сословная структура постсоветской России.* М.: ФОМ.
- Кулишер И.М. (1924, (2004)) *История русского народного хозяйства.* 2-е изд. Челябинск: Социум.
- Кустарная промышленность России. Разные промыслы: очерки* (1913) 2 т. СПб.: Г.У.З. и 3. Отд. сельской экономики и сельскохоз. статистики.
- Миц Л.Е. (1929) *Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР.* М.–Л.: ГИЗ.
- Павлов А.Б., Селев С.С. (2015) Феноменологическое описание современных промыслов // *Universum: общественные науки.* Т. 3. № 13. С. 25–41 // <http://7universum.com/ru/social/archive/item/2013>

- Плюснин Ю.М. (2000) Малые города России. М.: Московский общественный научный фонд.
- Плюснин Ю.М., Кордонский С.Г., Скалон В.А. (2009) Муниципальная Россия: образ жизни и образ мыслей. Опыт феноменологического исследования. М.: ЦПИ МСУ.
- Плюснин Ю.М., Зусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. (2013) Отходники. М.: Новый хронограф.
- Плюснин В.М. (2014) Отношение населения г. Новохоперска и г. Урюпинска к планам разработки никелевого месторождения в Новохоперском районе. Аналитический отчет 15.04. 2014 (рукопись).
- Селеев С.С., Павлов А.Б. (2016) Гаражники. М.: Страна Оз.
- Технология изготовления финифти (б/г) // Finifty.ru // http://finifty.ru/Tehnologiya_izgotovleniya_finifti/
- Тешке Б. (2011) Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. М.: ВШЭ.
- Торгово-промышленная Россия (1899). СПб.
- Чепуренко А.Ю. (2008) Раннее предпринимательство в России: промежуточные результаты GEM // Мир России. Т. 17. № 2. С. 22–40.
- Blum J. (1961 (1992)) *Lord and Peasant in Russia from the 9th to the 19th Century*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Bopp F. (2010) *Rapid Manufacturing: Zukünftige Wertschöpfungsmodelle durch generative Fertigungsverfahren*. Diplomica Verlag.
- Dekkers R., Bennett D. (2009) *Industrial Networks of the Future: Review of Research and Practice // Dispersed Manufacturing Networks. Challenges for Research and Practice* (ed. Dekkers R.). Springer Science & Business Media, pp. 13–34.
- Houston R., Snell K.D.M. (1984) *Proto-industrialization? Cottage Industry, Social Change, and Industrial Revolution // Historical Journal*, vol. 27, no 2, pp. 473–492.
- Kahan A., Hellie R. (1985) *The Plow, the Hammer, and the Knout: An Economic History of Eighteenth-Century Russia*. Chicago: University of Chicago Press // <https://books.google.ru/books?isbn=0226422534>
- Kordonsky S.G. (2016) *Socio-Economic Foundations of the Russian Post-Soviet Regime. The Resource-Based Economy and Estate-Based Social Structure of Contemporary Russia*. Stuttgart: Ibidem-Verlag.
- Kostakis V., Bauwens M. (2014) *Network Society and Future Scenarios for a Collaborative Economy*. Palgrave Pivot.
- Kühnle H. (2007) *Post Mass Production Paradigm (PMPP) Trajectories // Journal of Manufacturing Technology Management*, vol. 18, no 8, pp. 1022–1037.
- Kühnle H. (ed.) (2009) *Distributed Manufacturing: Paradigm, Concepts, Solutions and Examples*. L.
- Kühnle H., Bitsch G. (2015) *Foundations & Principles of Distributed Manufacturing: Elements of Manufacturing Networks, Cyber-Physical Production Systems and Smart Automation*. Springer Verlag.
- Mathias P., Postan M.M. (eds.) (1978) *The Cambridge Economic History of Europe. Vol. VII. The Industrial Economies: Capital, Labour, and Enterprise. Part I: Britain, France, Germany, and Scandinavia*. Cambridge: Cambridge Press.
- Mendels F.F. (1972) *Proto-industrialization: the First Phase of the Industrialization Process // Journal of Economic History*, vol. 32, no 1, pp. 241–261.
- Mokyr J. (1976) *Growing-up and the Industrial Revolution in Europe // Explorations in Economic History*, vol. 13, no 7, pp. 371–396.
- Ogilvie S.C. (1993) *Protoindustrialization in Europe // Continuity and Change*, vol. 8, no 2, pp. 159–179 // http://journals.cambridge.org/abstract_S0268416000002058
- Plusnin J.M., Slobodskoy-Plusnin J.J. (2013) *Local Government and Small Business: Mismatch of Expectation*. WP BRS 04/PA/2013. Moscow: HSE.
- Plusnin J., Zusaeva Y., Zhidkevich N., Pozanenko A. (2015) *Wandering Workers. Mores, Behavior, Way of Life, and Political Status of Domestic Russian Labor Migrants*. Stuttgart: Ibidem-Verlag.
- Rudolph R.L. (1980) *Family Structure and Proto-industrialization in Russia // Journal of Economic History*, vol. 40, no 1, pp. 111–118.

Archaic Economic Institutions: “Scattered Manufactories” in Russian Towns¹⁵

S. KORDONSKY*, Ju. PLUSNIN**

***Simon Kordonsky** – PhD in Philosophy, Tenured Professor, Head, Laboratory for Local Administration, Department Head, Faculty of Social Sciences / School of Public Administration / Department of Local Administration, National Research University Higher School of Economics. Address: 20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: skordonsky@hse.ru

****Juri Plusnin** – DSc in Philosophy, Professor, Faculty of Social Sciences / School of Public Administration / Department of Local Administration, Deputy Laboratory Head, Laboratory for Local Administration, National Research University Higher School of Economics. Address: 20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: jplusnin@hse.ru

Citation: Kordonsky S., Plusnin J. (2018) Archaic Economic Institutions: “Scattered Manufactories” in Russian Towns. *Mir Rossii*, vol. 27, no 4, pp. 6–30 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-4-6-30

Abstract

The authors discover and describe a “new” economic phenomenon, which they term “scattered manufactories”. In some towns of provincial Russia, people engage in cooperative economic activities, which in their form and substance are strikingly similar to pre-industrial manufacturing in Europe and Russia in the 14–18th centuries. In contrast to the modern institution of distributed manufacturing, where information and other modern technologies are widely used, scattered manufactories are a post-archaic economic institution, in which production and industrial relations have a similar organization to pre-modern guilds and artels. Several such manufactories, found in Uryupinsk, Novokhopersk, Labinsk, Kimr and Rostov the Great, are described and analyzed in the article. Importantly, most of these businesses represent the informal sector of local economies and exist outside the legal framework. The roots of their informal nature are traced back to the economic crisis of the 1990s, the general underdevelopment of local labor markets, and a generally high tolerance to rule evasion and informal relations in Russia. Another reason is the currently excessive regulatory and fiscal pressure targeting small business and self employment in Russia. The authors argue that scattered manufactories are very common and are highly likely to be found in other local communities, particularly in ones that enjoy access to unique natural resources (e.g. down, leather, fur) and/or have a tradition in craft.

¹⁵ The article was prepared on the basis of field research using a “Khamovniki” Foundation grant (№ 2013-007) in 2014–2016, and within the framework of the Academic Fund Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2017–2018 (grant № 17-01-0027) and by the Russian Academic Excellence Project “5-100”.

We are grateful to our respondents V.N. and S.V. Konchakov, and to the researchers who did the fieldwork: V.M. Plusnin, A.B. Pavlov, S.S. Selev, A.S. Kalgin, O.A. Molyarenko, including the students of the State University of Higher Education of the Higher School of Economics (HSE), 2014/2015 and 2016/2017.

Key words: scattered manufacturing, distributed manufacturing, archaic economic institutions, pre-modern economic institutions, post-archaic economic institutions, Russian local communities, informal economy

References

- Alimova T.A., Chenina A.V., Chepurenko A.Yu. (2011) Ekonomicheskij krizis i predprinimatel'skaya deyatel'nost' naseleniya Rossii: otkryvat' svoe delo ili vykhodit' iz biznesa? [Entrepreneurial Activity of Russians During Crisis: to Start or to Discontinue?]. *Mir Rossii*, no 2, pp. 142–160.
- Blum J. (1961 (1992)) *Lord and Peasant in Russia from the 9th to the 19th Century*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Bopp F. (2010) *Rapid Manufacturing: Zukünftige Wertschöpfungsmodelle durch generative Fertigungsverfahren*. Diplomica Verlag.
- Braudel F. (1992) *Vremya Mira. Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.* [World History. Material Civilization, Economics and Capitalism, XV–XVIII Centuries]. Moscow: Progress.
- Buev V.V. (2010) Tenevaya deyatel'nost' malykh predpriyatij [Shadow Activity of Small Enterprises]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, vol. 4, no 98, pp. 57–74.
- Chepurenko A.Yu. (2008) Rannee predprinimatel'stvo v Rossii: promezhutochnye rezul'taty GEM [Early Entrepreneurship in Russia: Intermediate Results of GEM]. *Mir Rossii*, vol. 17, no 2, pp. 22–40.
- Coughlan D., O'Connell J., Murphy I. (2010) Znaniya, innovatsii i tvorcheskij potentsial kak osnova ekonomicheskogo razvitiya v XXI veke [Knowledge, Innovation and Creativity as the Basis of Economic Development in the 21st Century]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsij*, vol. 5, no 3, pp. 21–32.
- Dekkers R., Bennett D. (2009) Industrial Networks of the Future: Review of Research and Practice. *Dispersed Manufacturing Networks. Challenges for Research and Practice* (ed. Dekkers R.). Springer Science & Business Media, pp. 13–34.
- Ezerskij N. (1894) *Kustarnaya promyshlennost' i ee znachenie v narodnom khozyajstve* [Handicraft Industry and Its Importance to the National Economy]. Moscow.
- Gimpelson V.E., Kapelyushnikov R.I. (eds.) (2014) *V teni regulirovaniya: neformal'nost' na rossijskom rynke truda* [In the Shadow of Regulation: Informality on the Russian Labor Market]. Moscow: HSE.
- Gindin Ya. (1925) Nash khozyajstvennyj pod'yem i novye zadachi regulirovaniya rynka truda [Our Economic Recovery and New Tasks of Regulating the Labor Market]. *Voprosy truda*, no 11, pp. 38–44.
- Houston R., Snell K.D.M. (1984) Proto-industrialization? Cottage Industry, Social Change, and Industrial Revolution. *Historical Journal*, vol. 27, no 2, pp. 473–492.
- Informatsiya o sotsial'no-ekonomicheskom razvitii Rostovskogo munitsipal'nogo rajona* [Information about Social and Economic Development in the Rostov Municipal District]. (2015). Available at: <http://admrostov.ru/about4.php?sub=6>, accessed 30 June 2018.
- Interview with V.N. and S.V. Konchakov, inhabitants of Novohopersky Settlement of the Voronezh Region*. Available at: <https://lmu.hse.ru>, accessed 30 June 2018.
- Kahan A., Hellie R. (1985) *The Plow, the Hammer, and the Knout: An Economic History of Eighteenth-Century Russia*. Chicago: University of Chicago Press. Available at: <https://books.google.ru/books?isbn=0226422534>, accessed 30 June 2018.
- Kordonsky S.G. (2008) *Soslovnaja struktura post-sovetskoj Rossii* [The Estate-Based Social Structure of Post-Soviet Russia]. Moscow: FOM.
- Kordonsky S.G. (2016) *Socio-Economic Foundations of the Russian Post-Soviet Regime. The Resource-Based Economy and Estate-Based Social Structure of Contemporary Russia*. Stuttgart: Ibidem-Verlag.

- Kostakis V., Bauwens M. (2014) *Network Society and Future Scenarios for a Collaborative Economy*. Palgrave Pivot.
- Kühnle H. (2007) Post Mass Production Paradigm (PMPP) Trajectories. *Journal of Manufacturing Technology Management*, vol. 18, no 8, pp. 1022–1037.
- Kühnle H. (ed.) (2009) *Distributed Manufacturing: Paradigm, Concepts, Solutions and Examples*. L.: Springer Science & Business Media.
- Kühnle H., Bitsch G. (2015) *Foundations & Principles of Distributed Manufacturing: Elements of Manufacturing Networks, Cyber-Physical Production Systems and Smart Automation*. Springer Verlag.
- Kulisher I.M. (2004) *Istoriya russkogo narodnogo khozyajstva* [History of the Russian National Economy]. Second edition. Chelyabinsk: Sotium.
- Kustarnaya promyshlennost' Rossii. Raznye promysly: ocherki* [Russian Craft Industry: Essays on Various Crafts] (1913). Vol II. SPb.
- Mathias P., Postan M.M. (eds.) (1978) *The Cambridge Economic History of Europe. Vol. VII. The Industrial Economies: Capital, Labour, and Enterprise. Part I: Britain, France, Germany, and Scandinavia*. Cambridge: Cambridge Press.
- Mendels F.F. (1972) Proto-industrialization: the First Phase of the Industrialization Process. *Journal of Economic History*, vol. 32, no 1, pp. 241–261.
- Mints L.E. (1929) *Agrarnoe perenaseleniye i rynek truda v SSSR* [Agrarian Overpopulation and the Labor Market in the USSR]. Moscow-Leningrad: GIZ.
- Mokyr J. (1976) Growing-up and the Industrial Revolution in Europe. *Explorations in Economic History*, vol. 13, no 7, pp. 371–396.
- Ogilvie S.C. (1993) Protoindustrialization in Europe. *Continuity and Change*, vol. 8, no 2, pp. 159–179. Available at: http://journals.cambridge.org/abstract_S0268416000002058, accessed 30 June 2018.
- Pavlov A.B., Selev S.S. (2015) Fenomenologicheskoe opisanie sovremennykh promyslov [Phenomenological Description of Modern Crafts]. *Universum: Obschestvennye nauki*, vol. 3 no 13, pp. 25–41. Available at: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/2013>, accessed 30 June 2018.
- Plusnin J.M. (2000) *Malyye goroda Rossii* [Small Russian Towns]. Moscow: Moskovskij obschestvennyj nauchnyj fond.
- Plusnin J.M., Kordonsky S.G., Skalon V.A. (2009) *Munitsipal'naya Rossiya: obraz zhizni i obraz myslej. Opyt fenomenologicheskogo issledovaniya* [Municipal Russia: Modus Vivendi and Modus Operandi. A Phenomenological Study]. Moscow: CPI MSU.
- Plusnin J.M., Slobodskoy-Plusnin J.J. (2013) *Local Government and Small Business: Mismatch of Expectation*. WP BRS 04/PA/2013. Moscow: HSE.
- Plusnin J., Zausaeva Y., Zhidkevich N., Pozanenko A. (2013) *Otkhodniki* [Wandering Workers]. Moscow: Novyy Khronograph.
- Plusnin J., Zausaeva Y., Zhidkevich N., Pozanenko A. (2015) *Wandering Workers. Mores, Behavior, Way of Life, and Political Status of Domestic Russian Labor Migrants*. Stuttgart: Ibidem-Verlag.
- Plusnin V.M. (2014) *Otnosheniye naseleniya g. Novokhoperska i g. Uryupinska k planam razrabotki nikelovogo mestorozhdeniya v Novokhoperskom rajone* [The Attitude of Novokhopersk and Uryupinsk Population to the Plans of Developing a New Nickel Deposit in the Novokhopersky District]. Analytical report 15.04.2014 (manuscript).
- Rudolph R.L. (1980) Family Structure and Proto-industrialization in Russia. *Journal of Economic History*, vol. 40, no 1, pp. 111–118.
- Selev S.S., Pavlov A.B. (2016) *Garazhniki* [Garages]. Moscow: Strana Oz.
- Tekhnologiya izgotovleniya finifti* [Manufacturing Technology of Enamel] (w/y). *Finifty.ru*. Available at: http://finifty.ru/Tekhnologiya_izgotovleniya_finifti/, accessed 30 June 2018.
- Teshke B. (2011) *Mifo 1648 gode: klass, geopolitika i sozdaniye sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenij* [Myth of 1648: Class, Geopolitics and the Creation of Modern International Relations]. Moscow: HSE.
- Torgovo-promyshlennaya Rossiya* [Commercial and Industrial Russia] (1899). SPb.
- Vladimirsky N.N. (1927) *Otkhod krest'yanstva Kostromskoj gubernii na zarabotki* [Departure of the Peasantry of Kostroma Province for Earnings]. Kostroma: Kostroma gubststotdel.

- Vodarsky Y.E., Istomina E.G. (2004) *Sel'skie kustarnye promysly Evropejskoj Rossii na rubezhe XIX–XX stoletij* [Rural Handicrafts of European Russia at the Turn of the XIX–XX Centuries]. Moscow: IRH of RAS.
- Wallerstein I. (2003) Gosudarstva? Suverenitet? Dilemmy kapitalistov perekhodnoj epokhi [States? Sovereignty? The Dilemmas of Capitalists in Transition Era]. *Wallerstein I. Konets znakomogo mira: Sotsiologiya XXI veka* [End of the Familiar World: Sociology of the XXI Century]. Moscow: Logos, pp. 80–104.